

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ЭССР

**XII НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
ЭСТОНСКОЙ ССР**

XIII
A-10673 III

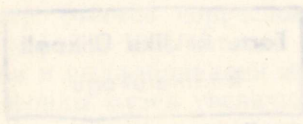
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ЭССР

1969
100

XII НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ЭСТОНСКОЙ ССР

14 —16 АПРЕЛЯ 1970 г.

ТАРТУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВАЛГУС». ТАЛЛИН 1970

2-3-1

Ответственный редактор: В. Калитс

ЭСТОНИА
ЭСТОНИА
ЭСТОНИА
ЭСТОНИА

11-18 APRIL 1987
TARTU

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

500 830

О РАБОТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ЭСТОНСКОЙ ССР В 1969 Г.

А. Петерсон

В 1969 г., как и в предыдущие годы, коллектив Государственного этнографического музея ЭССР занимался сбором, исследованием и популяризацией материалов, отражающих жизнь, быт и культурные связи народа.

Полевые работы. В 1969 г. планово пополнялись коллекции. Для ликвидации пробелов в предметных коллекциях музея в бывших приходах Тарту, Лайусе и Торма были проведены экспедиции, в которых приняли участие семь работников. Поиски тем для этнографического атласа привели к освещению обработки льна в западной Эстонии (В. Калитс), строительства и использования мельниц (А. Лутс), к описанию народной одежды Сааремаа (А. Воолма), полевых работ южной Эстонии (Э. Яагосильд) и хозяйственных построек (Т. Хабихт). Для индивидуальных исследовательских работ получен дополнительный материал из города Синди (А. Кярнер) и об обстановке жилищ западной Эстонии (Т. Выти). Впервые музей начал стационарно изучать села. Под руководством научного сотрудника Л. Выйме две недели работали фотограф и художник в деревне Солдаты на территории совхоза Тори. Экспедицию финансировал совхоз. Для изучения быта финно-угорских народов и сбора материалов провели исследовательскую экспедицию в составе Ю. Линнуса (руководитель) и двух художников к ливам Талсисского и Вентспилского районов Латвийской ССР. В экспедиции в Ленинградскую область к южным вепсам, карелам и русским приняли участие шесть работников (шофер автобуса, два художника-чертежника, фотограф, оператор и руководитель экспедиции). Старший научный сотрудник К. Консин собрал материал о коми-зырянах Коми АССР.

На полевых работах проработали около 600 дней. Фонды музея дополнили 570 этнографических экспонатов, 1048 страниц полевых описаний (фонд ЕА), 405 страниц дневника полевых работ (ТА), 8149 стр. ответов корреспондентов (KV), 1070 рисунков, 2002 фотографии и 1961 негатив и 1450 метров кинолент о постройках вепсов и выдалбливании лодки из дерева на реке Навести. В целом фонды музея увеличились в 1969 г. на 15767 фондовых единиц. Для сети корреспондентов составили 7 вопросников. Подвели итоги XI конкурса сбора этнографических материалов, в результате которого поступила 61 работа на 3078 страницах. II премию получили «Страницы культуры Кулламаа I—II» И. Уусталу и «О прошлом и сегодняшнем Кодила» М. Таупере. В течение года сотрудничали с работниками музея 152 корреспондента и 235 школ.

Упорядочение фондов. Научное описание 1037 предметов и 725 рисунков внесли в главный каталог. Оборудовали новое хранилище, куда поместили 2266 предметов. Очистили и проветрили 28453 предмета. На различные фонды оформили 8559 карточек и 236 перфокарт для фонда рисунков. В течение года фондами музея пользовалось 1294 человека, в 1702 случаях. Им выдали 35024 фондовых единицы.

Научная работа. В области историко-этнографического атласа на основании материалов музея составили 49 карт и продолжили работу над другими картами. Из фондов музея и главных каталогов сделали нужные для атласа выписки на 7629 перфокартах. Вышел в свет XXIII том Ежегодника (редактор В. Калитс) и переданы издательству следующие сборники и исследовательские работы: Ежегодник XXIV (редактор В. Калитс), «О народной культуре прибалтийских финнов» (редактор Ю. Линнус), «Эстонское народное искусство» (К. Консин), «Каталог этнографических фондов финно-угорских народов» (И. Яагосильд), «Вязаные изделия» (К. Консин) и «Этнографический музей Эстонской ССР» (А. Петерсон). Из-под пера работников музея в научных изданиях появилось 35 статей. 14—16 апреля провели традиционную научную конференцию, где подвели итоги работы по составлению Балтийского историко-этнографического атласа. На конференции заслушали 9 докладов научных сотрудников музея и 14 докладов гостей. Кроме того, научные сотрудники музея приняли участие в 7 республиканских и всесоюзных конференциях.

В вычислительном центре Тартуского государственного университета при помощи вычислительной машины Урал-4 обработали материал о жилищах (1920—1940 гг.).

Работа по популяризации. Провели подготовку к выставкам, открывающимся в 1970 г. «Народное искусство угро-финнов» и «Эстонское народное искусство». В стационаре функционировала выставка «Эстонские мастера рукоделия», подготовлены и оформлены три новых передвижных выставки в школах республики. В сельских школах и домах культуры экспонировались 23 передвижных выставки, которые посетили 44804 человека. Сотрудники музея прочитали 134 научно-популярных лекции для 4633 слушателей. Подготовлен цикл лекций о жизни и деятельности В. И. Ленина. В печати появилось 14 научно-популярных статей и 19 информации. Сотрудники музея 176 раз давали консультации по изготовлению народной одежды к юбилейному празднику песни. При музее было создано отделение внутреннего оборудования и прикладного искусства от факультета культуры Народного университета г. Тарту с 55 слушателями, и работал краеведческий кружок, объединивший 42 человека.

ПОПОЛНЕНИЕ ФОНДОВ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В 1962—1969 гг.

И. Яагосильд

1. Фонды финно-угорских народов музея основаны в 1914 г. Особенно интенсивная работа по сбору экспонатов проходила в 1924—1928 гг. В течение ряда последующих лет музей проводил лишь отдельные экспедиции (в 1931, 1939, 1942 гг.). Для регулярной работы у музея не было материальных возможностей. В музей были переданы финно-угорские предметы, собранные Эстонским научным обществом и Таллинским художественным музеем. Обменялись экспонатами с финским и шведским соответствующими музеями (Suomen Kansallismuseo, Nordiska Museet), приобрели богатую коллекцию историка А. Пырка.

Из-за ущерба, причиненного войной (здание музея было разрушено), а также в силу ряда сложившихся обстоятельств не было возможности приступить к обширному пополнению финно-угорских фондов. В итоге в течение ряда лет прирост фондов был минимальным, в виде одиночных случайных экспонатов.

2. Начиная с 1962 г. музей проводит экспедиции к финно-угорским народам, живущим в Советском Союзе. В течение последних 8 лет таких экспедиций было 15. При планировании полевых работ руководствуются необходимостью восполнить пробелы в фондах, и тематикой исследования. Если раньше почти отсутствовали предметы народной культуры коми, хантов и манси, то в результате экспедиций 1967 и 1969 гг. музей получил 33 экспоната из жизни коми (пермяков и зырян) и в 1968 г. — 15 экспонатов из жизни хантов и манси. Наибольшее внимание уделяется изучению прибалтийско-финских народов, прежде всего вепсов. В результате 7 экспедиций в Карельскую АССР, Ленинградскую обл., в вепские деревни районов Бокситогорск и Лодейное поле собрано 233 экспоната вепсов (до этого было всего 3). В результате экспедиции 1962 г. в Калининскую обл. РСФСР поступило 37 экспонатов от местных карелов. В течение трех последних лет проводились экспедиции в деревни ливов Латвийской ССР. Из приволжских народов побывали у мордвы, вернувшись оттуда с 41 экспонатом.

За период 1962—1969 гг. из экспедиций привезено 432 экспоната, кроме того, в музей принято 58 экспонатов (всего на состояние 1. 01. 1970 г. 1960 экспонатов).

Задачи экспедиции музея раньше ограничивались сбором экспонатов. В последние годы объем работ расширился за счет этнографических описаний, рисунков и фотографий. Уже поступили 834 стр. этнографического описания финно-угров (всего

1084 стр.). В этих материалах рассматриваются народные постройки, мебель, одежда, пища, различные хозяйственные отрасли и пр.

Для увековечивания материальной культуры вепсов и ливов сделаны ценные зарисовки их народных построек, мебели, орудий труда, предметов обихода и народной одежды. Музей пополнился 599 листами с 1512 одиночными рисунками (всего 753 листа 1949 одиночных рисунков). В фототеку переданы 2512 фотографий, причем в преобладающей части запечатлены вепские деревни. Всего в музее 4721 фотография о финно-угорских народах. Кроме перечисленных материалов в музее хранятся 510 стр. дневников полевых работ (всего — 520 стр.). С 1966 г. вепская экспедиция начала снимать этнографические фильмы. За время четырех экспедиций снято: паление подсеки, сенокос, жатва, выдалбливание лодки, постройки, различные процессы ремесла.

3. Многие экспедиции проходили в сотрудничестве с кафедрой финно-угорских языков Тартуского государственного университета (две экспедиции к вепсам и в Калининскую область РСФСР), с Мордовским государственным университетом (в Мордовскую АССР), с Пермской государственной художественной галереей и Кудымкарским краеведческим музеем (две экспедиции коми). Наряду со штатными сотрудниками музея в экспедициях принимают участие и внештатные работники, в основном, художники и студенты-практиканты.

4. Пополнение финно-угорских фондов не является самоцелью. Параллельно с работой по сбору материалов проводится их научная обработка. Об этом свидетельствуют издаваемый музеем сборник «О народной культуре прибалтийских финнов» и статьи в Ежегоднике музея (XXII, XXV). Исследовательская работа по изучению финно-угорских народов стала одним из важных направлений всей работы Государственного этнографического музея ЭССР.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ НАРОДНОГО ИСКУССТВА КОМИ

К. Консин

Командировки в Коми-Пермяцкий национальный округ в сентябре 1967 г. и в Коми АССР в августе 1969 г., связанные со сбором экспонатов, позволяют сделать некоторые обобщения о коми-пермяцком и коми-зырянском народном искусстве. Народное искусство коми, как и у других народов, охватывает всю предметную среду, окружающую человека: одежду, орудия труда и потребления, жилища и побочные постройки.

Наиболее характерными отраслями народного искусства коми следует считать ткани, вязаные и меховые изделия, различные изделия из дерева и бересты, архитектуру.

Из узорчатой ткани зырянские и коми-пермяцкие женщины ткали на станках материал для мужских брюк, женских сарафанов, рубашек и фартуков, а также головные платки, полотенца, а в начале нынешнего столетия — скатерти и половики.

Украшались ткани чаще полосатыми и клетчатыми простыми узорами, узорами с различными геометрическими орнаментами (выполненными преимущественно красной нитью).

Бросаются в глаза своим цветом и разнообразием орнамента пояса коми. При их изготовлении использовалась техника плетения, ткань на дощечках, на «ниту», на бердыши или ткацком станке. Орнамент поясов, в основном, геометрический.

Набойка тканей была широко распространена у коми и наблюдалась еще в 20-е годы нынешнего столетия.

Особенно заметно проявляется богатство народного искусства коми в чулках и варежках, украшенных большими цветными геометрическими узорами. Традиционный вязальный орнамент коми характеризует большая устойчивость, поэтому локальные отличия выражены довольно слабо. Часто вязальный орнамент напоминает узоры тканей и поясов. Вязаные предметы предназначались не только для ежедневного пользования, но и для свадебных подарков жениху и его родственникам.

Вышивка у коми распространена относительно мало. Поэтому коми составляют как бы исключение среди близких народов финно-угорской группы — удмуртов, марийцев, мордвы, чьи вышивки особенно богаты и разнообразны. Старую национальную вышивку можно встретить у коми на головных уборах, поновее — на рубашках.

В северных районах Коми АССР встречаются изделия из оленьего меха, украшенные аппликацией: малицы, пимы, сумки — в этом специфичность национального искусства народов севера.

Из мужского рукоделия с точки зрения народного искусства

представляют интерес деревянная посуда различных размеров и разнообразной формы, изготовленная в технике резьбы и росписью (миски, тарелки, жбаны, черпаки, коробки, солонки), инструменты (прялки, веретена, ткацкие станки, рубели) и упряжь, а также средства передвижения (дуги, сани).

Особенно умело коми используют для изготовления предметов потребления бересту (умывальники, сита, кузовы, корзины, коробки, солонки и т.е.с).

Жилые постройки коми массивны, с рубкой «в угол», реже — бревенчатые с рубкой «в лапу». К жилому помещению с высоким подполом примыкает непосредственно двухэтажный двор. Дощатая крыша — одно- или двускатная. Жилые строения местами довольно разнообразные, для северной части Коми АССР характерны большие двухэтажные постройки.

Из элементов украшения построек нужно прежде всего отметить декоративно выполненные украшения на охлупнях крыш, имеющие в большинстве форму птичьей и лошадиной голов. Такой древний прием украшения был связан с магией и его использовали в защиту от пожаров или других бед. Форму птичьей головы придавали иногда и крючьям, поддерживающим желоб. Наличники на окнах встречаются не очень часто. При украшении окон использовались пропиловки и накладные орнаменты. На карнизах, как и в оформлении крыльца, применялись приемы украшения, выполненные в технике резьбы.

Традиции народного искусства коми живут еще и сейчас. О состоянии народного искусства в настоящее время можно судить по ежегодным общерайонным и республиканским выставкам самодеятельного прикладного искусства.

А. Петерсон

В 1966—1969 гг. устраивались экспедиции к южным и средним вепсам, в итоге которых получены данные об осенних полевых работах и снят фильм о жатве.

Вепсы выращивают и выращивали те же зерновые культуры что и их соседи прибалтийские финны и русские. На грани столетия больше сеяли овес, ячмень и рожь, пшеницу — относительно реже. Еще недавно убирали урожай вручную, серпом, благодаря чему сохранились достоверные данные о старых способах первичной сушки хлеба. Хлеб после жатвы сразу вязали в снопы. В бабки (*bapk*) складывали 5—7 снопов, большей частью — 5. Для поддержания бабок вбивали в землю шест (*rossoh*) и вокруг него ставили четыре снопа, наклоняя часть снопа назад, чтобы они прижимались друг к другу. Пятым снопом накрывали сверху (*bapkkatuz*). Бабки могли быть на поле в куче или в ряд. При хорошем урожае получали 500 бабок с гектара, в первую очередь с подсеки. Яровые хлеба (ячмень, овес, пшеницу) складывали также в бабки, только в середину не забивали шеста. После того, как хлеб высыхал, ржаные снопы складывали в стога (*kego*), которые устанавливали на краю поля, или увозили к риге, чтобы они не мешали осенней пахоте. В стогах хлеб сохранялся сухим до зимы, когда его привозили на саях для обмолота. Для стога делали основание (*kegosija*) из тонких палок, на него крестообразно, колосьями внутрь клали четыре снопа. Дальше снопы клали кругообразно. Наверху круг сужали, так что вершина стога получалась острой. Затем ее покрывали сеном или соломой, а сверху — ивовыми прутьями в виде венка (*raidavarb*). Ячменные снопы тоже иногда складывали в стога, если ячмень находился вблизи селения. Овес и ячмень, убранные с поля вдали от селения, складывали в длинные скирды, которые могли быть длиной в 10—30 саженей. Колья забивали в землю в два ряда на расстоянии 70 см и между кольями — один шаг. Между кольями повыше земли клали жердь и на нее с двух сторон накладывали снопы. Высота скирды достигала 3—3,5 м. Скирду тоже покрывали от дождя сеном или соломой. Одно из приспособлений сушки хлебов в северной части Восточной Европы имело вид изгороди или высокой лестницы, состоящей из ряда жердей, расположенных между вкопанными в землю столбами, у вепсов оно называется *haži*. Использовали *haži* вблизи риг. Снопы, уложенные на его жерди, сохли на ветру очень быстро. Для более длительного хранения из хазов снопы складывали иногда в скирды. Для сушки хлебов пользовались еще вешалом (*ard*), где овес обычно подвешивали сушиться на жердь, установленную на скрещенных шестовых

ножках. Вешало использовали, в первую очередь, для сушки льна.

Соседствующие с вепсами карелы и русские сушили хлеб почти так же. Различия проявляются лишь в названиях приспособлений сушки, которые у вепсов в некоторых случаях восходят к началу первого тысячелетия, когда у прибалтийских финнов сельское хозяйство стало основным занятием. Говоря о сушке зерна у вепсов, необходимо прежде всего подчеркнуть влияние балтийских народов. Славянское же влияние ощущаем в названиях некоторых способов сушки (*barak, snop*). Подчеркиваем, что вышеприведенные способы сушки сформировались у народов северной части восточной Европы в далеком прошлом и обусловлены особенностями климата (дождливая осень).

Х. Пусь (Таллин)

Территория, занимаемая современными вепсами, особенно южными, была одной из самых отсталых областей дореволюционной России. Главным хозяйственным занятием вепсов было земледелие. Наряду с пашенным земледелием большое значение имела подсека. Неурожай и голод часто донимали вепсов.

После Великой Октябрьской социалистической революции начался быстрый экономический и культурный подъем в вепсской деревне. На смену курным избам пришли жилища современного типа, была ликвидирована неграмотность.

Развитие южно-вепсской деревни заметно ускорилось после окончания Великой Отечественной войны, особенно же после того, как здесь, в непосредственной близости от вепсских деревень начались лесозаготовительные работы и сложился рабочий поселок Красный Бор. Вместе с тем и сейчас в южно-вепсской деревне можно найти ряд примитивных явлений, которые иногда в очень своеобразной форме сочетаются с элементами современности. Так, в жилище с каждым годом все больше распространяется городская мебель, но встречаются еще скамейки, ножки которых представляют собой разветвления корневища и, как исключение, даже полати.

Южновепские деревни отличаются друг от друга и по уровню материальной культуры: из-за отсутствия мощных дорог явления традиционного народного быта быстрее исчезают в тех деревнях, которые находятся ближе к большим дорогам и культурным центрам, хотя расстояние и не превышает нескольких десятков километров.

Духовный облик современных вепсов, особенно людей старшего поколения, также носит противоречивый характер: это прежде всего положительное отношение ко всему новому, прогрессивному, но в то же время еще не полностью изжиты вера в злых духов.

Некоторые явления, которые принято называть «примитивными», в местных условиях носят несколько иной характер. Так, грибы и ягоды занимают значительное место в питании местного населения не из-за экономической отсталости, а в силу природных условий.

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ЛИВСКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю. Линнус

1. Первые сведения о ливах восходят к старым хроникам (Нестор, Генрих Латвийский, Хиярне), а также к заметкам прибалтийско-немецких публицистов (Гупель). Целеустремленный сбор материалов начался в середине XIX столетия.

2. Материалы начинают собирать прежде всего в области языка. Путь к изучению ливского языка проложили петербургские академики А. И. Шегрен и Ф. И. Видеманн, из-под пера которых появились грамматика и словарь ливского языка (1861). С конца XIX столетия работу этих авторов продолжали финские ученые (Э. Н. Сетала, Л. Кеттунен, Л. Пости), в результате чего появился в свет фундаментальный словарь ливского языка (1938). В последние десятилетия языковые материалы собирали эстонские лингвисты (Ю. Мягистэ, П. Аристэ, особенно Э. Вьяри). Прекрасные фонды ливского языка, многочисленные диалектические тексты оказались незаменимыми при изучении многих вопросов ливской народной культуры.

3. В области ливского народного творчества первые письменные сведения восходят к наблюдениям языковедов (А. И. Шегрен, Э. Н. Сетала, Е. Н. Сааримаа, Л. Кеттунен). К систематическому же сбору материалов по народному творчеству приступил О. Лооритс в 1920—1935 годы. Богатейший фонд «Архив ливского фольклора» является особым фондом при Литературном музее имени Фр. Р. Крейцвальда АН ЭССР (народные песни, верования, предания и пр.). Сюда же относится и картотека Словаря ливской этнографии, содержащая помимо кратких толкований также и пояснительные рисунки. Ливские народные мотивы собирали: латышский музыковед Э. Мелнгайтис, О. Лооритс, Х. Тампере.

4. Сбор предметов материальной культуры ливов начался еще в конце XIX столетия финнами В. Валлин-Войонмаа, А. О. Гейкель, Э. Н. Сетала, Л. Кеттунен, итоги деятельности которых положили начало материальным и фотографическим фондам при Финском национальном музее (около 140 предметов и 250 фотографий). Благодаря почину О. Лооритса первые предметы ливской народной культуры появились и в Эстонском народном музее (121 предмет). И. Маннинен, основоположник эстонской национальной этнографической науки, считал сбор этнографических материалов прибалтийско-финских народов первоочередной задачей. По его направлению в качестве стипендиата Тартуского университета за сбор материалов взялся Ф. Линнус. Результат трех его экспедиционных работ в 1927—1928 гг. — 70 предметов, 211 фотоснимок, 250 рисунков и

1197 страниц записей. Все это крайне разнообразный материал по ливской этнографии.

5. В 20-е годы нынешнего столетия и в Латвии начался систематический сбор этнографических материалов, среди которых известное количество и ливских. Эта работа принесла богатые плоды, особенно за последние десятилетия. В Рижском этнографическом парке-музее собраны сооружения и разная утварь, привезенные из ливских деревень. А. Сульц, лив по происхождению, собрал этнографические материалы для Венспильского музея. В процессе своих работ латышские этнографы и архитекторы также накопили новые материалы из ливских деревень (Институт истории, Исторический музей и др.).

6. В последние годы Государственный этнографический музей Эстонской ССР возобновил систематическую работу по изучению народной культуры прибалтийско-финских народов, причем серьезное внимание уделяется дополнительному сбору и научной обработке ливских фондов. Это одна из главнейших задач докладчика. Начальная фаза этой деятельности — полевые работы. Большую помощь в этом деле оказал доц. Э. Вяари, успешно работающий свыше 20 лет в области ливского языка. В ходе работ на месте мы постарались определить исконно народную утварь, а также сооружения ливов, дать необходимые описания материалов. За 1967—1969 гг. получено 286 фотоснимков, 527 рисунков (художником М. Руйланд) и 310 страниц записей.

И. Тынурист (Таллин)

Кантеле является одним из наиболее интересных и оригинальных музыкальных инструментов прибалтийско-финских и балтийских народов. Очень напоминают кантеле русские гусли. Следует отметить, что русские называют гуслиями два разных по происхождению струнных щипковых инструмента: крыловидные и шлемовидные гусли (псалтырь). Кантеле аналогичны именно крыловидные гусли. Эти гусли отличаются от кантеле только своеобразным «открылком», но подобные инструменты бытовали также у сету, в восточной Латвии и у вепсов. Несомненно, что кантеле и крыловидные гусли имеют общее происхождение.

Предположения об общности происхождения названий кантеле (эст. *kannel*, фин. *kantele*, лит. *kanklės*, лат. *kokle* и т. д.) и гуслей (<*gosli* <*gandtli) из общего индоевропейского корня высказывались уже давно, но к единому мнению не пришли до сих пор.

Найденный в Гданьске кантелевидный инструмент XII в. позволяет предположить, что, по крайней мере, у части западных прибалтийских славян, у балтийских и прибалтийско-финских народов в начале II тыс. н. э. существовал одинаковый музыкальный инструмент типа кантеле. Вполне возможно, что подобные инструменты, о которых упоминает, называя их кифарами, в 591 г. греческий историк Феофилакт Симокатта, были в руках пленных прибалтийских славян.

Все русские средневековые миниатюры XIV—XVI вв. изображают только шлемовидные гусли. За последние годы в Новгороде найден ряд гуслей XII—XIV вв., но это все крыловидные гусли, очень сходные с кантеле. Теперь известны также два изображения крыловидных гуслей на браслетах XII в. (Киев) и XIII в. (Рязань). Отсутствие изображений крыловидных гуслей на миниатюрах, видимо, не случайное явление. В древнерусской литературе гусли и игра на них всегда связываются с язычеством. Кстати, на упомянутых браслетах гуслияры изображены именно в сценах языческих празднеств. В то же время шлемовидные гусли запечатлены на иконах в руках царя Давида или скоморохов. Причина подобного различия состоит, возможно, в особенностях социальных сред, в которых бытовали в XII—XIV вв. те или иные гусли. Видимо, среди русских шлемовидные гусли распространились не ранее введения христианства. Есть предположение (К. А. Вертков), что шлемовидные гусли, как более трудный для освоения музыкальный инструмент, нашли применение преимущественно в профессиональном музыкальном исполнении бродячих музыкантов — скоморохов. В народе же бытовали крыловидные гусли. Видимо так оно и было, ибо

вплоть до начала XX в. игра на крыловидных гусях сохранялась именно в среде сельского населения на территории современных Псковской, Ленинградской, Новгородской, Калининской, Смоленской и Витебской областей. В XII—XIII вв. подобные гусли были распространены несколько шире (окрестности Рязани, северная Польша).

Можно констатировать, что на русских землях крыловидные гусли встречались в тех местах, где долго сохранялось балто- или финно-язычное население. Материальная и, отчасти, духовная культура русских из северо-западных областей обнаруживает много сходных или общих черт с культурой балтийских и прибалтийско-финских народов. Славянская колонизация этих территорий началась лишь в середине I тыс. н. э. и длилась вплоть до XIII—XV вв. Возможно, что как раз в этот период русскими и был заимствован инструмент типа кантеле, на который было перенесено название «гусли» (у западных и южных славян гусями называется не щипковый, а смычковый инструмент с 1—3 струнами), и который широко бытовал среди этнически неоднородного населения северо-западных русских земель. Именно в этой смешанной среде дольше всего сохранялись элементы старой, тесно связанной с язычеством, музыкальной культуры, в том числе и музыкальные инструменты.

ИСТОРИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МОРДВЫ

Н. Мокшин (Саранск)

Первые письменные этнографические сведения о мордве встречаются в довольно ранних источниках (труды готского историка Иордана, VI в., императора Византии К. Багрянородного, X в., «Повесть временных лет», XII в., «Слово о погибели Русской земли», XIII в. и др.). Ценные, хотя иногда и противоречивые, данные о мордовском народе содержат записки зарубежных путешественников (венгр Юлиан, итальянец Карпини, фламандец Рубрук, XIII в., англичане Дженкинсон, Флетчер, итальянец Барберини, XVI в., голландец Витсен, XVII в. и др.).

В XVIII в. Российская Академия наук организует несколько крупных экспедиций в разные районы страны по сбору всевозможных данных о природе и нравах, об историческом прошлом и современном состоянии народов России. Такие экспедиции работали и в Поволжье, в том числе среди мордвы. В них участвовали Г. Миллер, И. Лепехин, П. Паллас, И. Фальк, И. Георги, П. Рычков, Н. Рычков и др.). В своих исследованиях они приводят обширные и достоверные наблюдения по мордовской этнографии.

В XIX — начале XX вв. публикуются уже специальные монографии, посвященные истории и этнографии мордвы (П. Мельников, В. Майнов, И. Смирнов, А. Гейкель, А. Шахматов, С. Кузнецов и др.).

Но глубокое, по настоящему научное, этнографическое изучение мордовского народа началось лишь после Октябрьской революции, когда мордва, как и другие народы России, освободилась от экономического, политического и национального гнета.

В годы советской власти были изданы основные труды выдающегося мордовского ученого-этнографа М. Е. Евсеева. Большой вклад в разработку этнографии мордвы и других финно-угорских народов внес крупный мордовский советский этнограф М. Т. Маркелов.

В 1920—30-х гг. были осуществлены несколько важных научных экспедиций в мордовские районы (М. Евсеев, М. Маркелов, С. Толстов, Н. Маторин, В. Бунак, Г. Дебец, Н. Спрыгина и др.). В 1953—63 гг. работала мордовская этнографическая экспедиция АН СССР, по итогам которой началось издание серии трудов. Два тома изданы¹. Интенсивное этнографическое изучение мордовского народа в советское время сделало возможным проведение специальной научной сессии по этногенезу мордовского народа (Саранск, 1964), которая подвела итоги по ряду спорных вопросов, сосредоточила внимание ученых на нерешенных проблемах истории и этнографии мордвы².

¹ Вопросы этической истории мордовского народа. М., 1960; Исследования по материальной культуре мордовского народа. М., 1963.

² Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МАРИЙСКОГО НАРОДА

Г. Сепеев (Йошкар-Ола)

Первые этнографические сведения о мари́йцах получены из трудов академических экспедиций XVIII в. (Г. Ф. Миллера, Н. П. Рычкова, И. Г. Георги и др.). Среди многочисленных замечаний о мари́йцах в первой половине XIX в. представляют интерес работы Н. С. Попова, А. И. Герцена, А. Фукса. Обширная этнографическая литература о мари́йцах, связанная с активной деятельностью различных научных обществ, правительственных, церковно-миссионерских и других учреждений относится ко второй половине XIX — началу XX вв. Ценные сведения по этнографии мари́йцев того времени содержатся в работах В. П. Вишневого, В. М. Черемшанского, Н. М. Шестакова, М. В. Лосиевского, Г. Городского, П. Знаменского, А. Ф. Риттика, А. Хейкеля, А. А. Петрова, Д. П. Никольского, Ю. Вихмана, А. Хямяляйнена, В. И. Филоненко и др. Заметный вклад в этнографическое изучение мари́йцев внесли И. Н. Смирнов, автор монографии «Черемисы» (Казань, 1889) и С. К. Кузнецов, написавший несколько работ об их верованиях, обрядах и обычаях. Появляются и авторы, вышедшие из мари́йцев (С. Нурминский, И. Маляров, Г. Яковлев, П. Ерусланов, Т. Семенов, Г. Мендиаров, позднее В. М. Васильев). Библиографические сведения о мари́йцах приведены в работах И. Н. Смирнова, А. А. Петрова, Н. В. Никольского и др.

Все эти работы представляют собой несомненную ценность как конкретный фактический материал. Однако многие из них написаны на невысоком теоретическом и методологическом уровне, с великодержавно-шовинистических и христианско-миссионерских позиций, носят описательный характер, не имеют четкой системы и структуры. Среди них преобладают работы, акцентирующие основное внимание на религиозных верованиях и обрядовой стороне быта, слабо освещающие вопросы материальной культуры, хозяйственного быта, общественных отношений, народного искусства.

Благоприятные условия для этнографических исследований на территории Мари́йского края создались после победы Октябрьской революции и создания автономии мари́йского народа в ноябре 1920 г. Этнографическое изучение мари́йцев связывается с задачами практического решения вопросов национального, экономического и культурного строительства. Наряду с центральными научными учреждениями этим стали заниматься и местные: в 20-х гг. Общество краеведения, с 1930 г. — Мари́йский научно-исследовательский институт (МарНИИ). В 20-х годах по различным проблемам этнографии своего народа на страницах местных периодических изданий выступали языко-

вед В. М. Васильев (впоследствии доктор филологических наук), музейный работник Т. Е. Евсеев, географ М. Н. Янтемир и др. Методическая и практическая помощь центральных научных учреждений (статьи М. Т. Маркелова, Н. Маторина и др., работа антропологической комплексной экспедиции МГУ в МАО) помогли изживанию недостатков и преодолению трудностей, налаживанию экспедиционной работы и становлению этнографических исследований на новой методической и теоретической основе. В конце 20—30-х гг. был издан ряд заслуживающих внимания работ, среди которых выделяются монографии В. М. Васильева «Марийская религиозная секта «Кугу сорта» (Краснококшайск, 1928) и исследование Я. А. Эшпая «Национальные музыкальные инструменты марийцев» (Йошкар-Ола, 1940). Я. Я. Ялкаевым был составлен библиографический указатель литературы о марийцах (в т. ч. и по этнографии), изданный в 1934 г.

Весьма плодотворным было сотрудничество МарНИИ с квалифицированными этнографами Т. А. Крюковой (Ленинград) и К. И. Козловой (Москва). Их исследования являются существенным вкладом в этнографическое изучение марийцев. Особо следует отметить работы Т. А. Крюковой — «Марийская вышивка» (Л., 1951), «Материальная культура марийцев XIX века» (Йошкар-Ола, 1956), «Марийцы» в многотомной серии «Народы мира» (Народы Европейской части СССР, т. II, М., 1964), К. И. Козловой — кандидатская диссертация «Пережитки родовой организации у мари в XIX веке» (М., 1949), «Этнография народов Поволжья» (М., 1964), докторская диссертация «Очерки исторической этнографии марийского народа» (М., 1969) и др.

В 50—60-х гг. статьи этнографического содержания систематически печатаются в «Трудах» МарНИИ, публикуются и в других местных изданиях. В настоящее время этнографом МарНИИ Г. А. Сепеевым готовится к изданию историко-этнографический очерк «Восточные марийцы», ведутся исследования по теме «Культура и быт современного марийского сельского населения».

Важным событием в научной жизни Марийской АССР явилась организованная и проведенная МарНИИ в 1965 г. научная сессия по этногенезу марийского народа с участием специалистов различных наук (см. сборник «Происхождение марийского народа», Йошкар-Ола, 1967).

За годы советской власти в деле этнографического изучения марийцев сделаны значительные успехи. Советскими этнографами на новой методологической основе, в сравнительном и историческом плане подвергнуты исследованию важнейшие проблемы этнографии марийцев, в т. ч. их этногенез, генезис и эволюция форм и явлений культуры, этнокультурные взаимоотношения и этнические процессы на разных этапах этнической истории, преобразования в сфере культуры и быта в современную эпоху.

УСАДЬБА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ ВЕНГРОВ ЗАКАРПАТЬЯ

В. Драгун (Ужгород)

На протяжении 1968—1969 гг. мы собирали полевой этнографический материал в венгерских селах Закарпатья по теме: «Народное жилище и хозяйственные постройки венгров Закарпатья конца XIX и первой половины XX века».

Было обследовано 98 объектов в селах Береговского, Ужгородского, Мукачевского, Виноградовского и Хустского районов.

Обработка собранного полевого материала дает возможность судить о некоторых характерных особенностях усадьбы и жилища венгров Закарпатья.

В венгерских крестьянских усадьбах до сих пор сохранились разнообразие виды связи жилища и хозяйственных построек.

1. Наиболее характерна блоковая связь дома и хозяйственных построек. Она может быть однорядной, когда хлев (*ól*), сарай (*istálló*) и другие хозяйственные пристройки располагаются под одной крышей в одну линию с домом. Наиболее распространен этот вариант в Закарпатье в Ужгородском районе, в частности в селах Деревцы, Прикордонне, Шишловцы, Тарновцы, Галоч, Геевцы и других.

а) Для этого варианта застройки характерна усадьба середины XIX в. у Вич Андраш из с. Велики Геевцы Ужгородского района.

Судя по всему это один из древнейших типов застройки. До сих пор сохранилось множество домов этого типа конца XVIII и начала XIX века. Нужно отметить, что подобные крестьянские усадьбы строятся венграми и в настоящее время, особенно в Ужгородском районе. Много их в селах Виноградовского, Мукачевского и частично Береговского районов.

Усадьба под одной крышей встречается и в селах украинцев Закарпатья, словаков и украинцев Восточно-Словацкого края ЧССР.

б) Ко второму варианту однорядной застройки мы относим усадьбы венгров, где все хозяйственные постройки тянутся в глубину двора в один ряд, иногда по 30—40 м. Количество и характер построек определялись уровнем благосостояния хозяев.

К улице обычно ставили дом (*ház*), за ним — хлев (*ól*), сарай (*istálló*) и т. д. Каждая постройка имеет свою конструкцию крыши, а размещены они все вплотную, одна возле другой.

Этот вариант застройки усадьбы чаще всего встречается в венгерских селах Виноградовского и Мукачевского районов и относится ко второй половине XIX ст. Этот тип распространился позднее предыдущего.

в) Целесообразно отметить, что в отдельных районах Закар-

пятья встречаются еще венгерские крестьянские усадьбы, где в одном ряду находятся дом и самостоятельные хозяйственные постройки, имеющие свою конструкцию. Расстояние между ними произвольное.

Чаще всего встречаются такие усадьбы в селах Ракошино, Кайданово, Бенедиковцы, Лескове Мукачевского района, в селе Вышково, Хустского и г. Тячево Тячевского района.

Этот вариант венгерской усадьбы получил особое распространение в конце XIX и в первой половине XX столетия. Отличается он тем, что разделяет усадьбу на 3 части: двор отделен от улицы, хозяйственный двор и огород огорожены заборами. Как правило, ширина такого типа усадьбы не больше 18—20 метров, однако, длина земельного участка усадьбы иногда доходит до 80—100 метров. По всей вероятности, узость земельных участков и привела к однорядной системе застройки венгерской усадьбы.

2. При изучении системы планирования и застройки венгерской усадьбы XIX и начала XX века, мы встречаемся еще с «Г» — образной формой, особенно популярной в венгерских селах Береговского, Виноградовского и частично Ужгородского районов. Для этого типа застройки характерно самое расположение построек при усадьбе. Как правило, жилой дом расположен к улице так же, как и в предыдущих формах застройки, одинокий сарай, хлев и другие пристройки расположены в глубине хозяйственного двора параллельно улице, создавая таким образом полузакрытую однодворную усадьбу. Хлев и все хозяйственные пристройки отделяют двор от огорода. Эта форма застройки усадьбы особенно широко используется, начиная с середины XIX столетия и по настоящее время.

3. Для некоторых районов Закарпатья характерны двухрядные дворы с домом, колодцем и печью с одной стороны и хлевом, дроварней напротив. Изредка можно встретить такой тип застройки венгерской крестьянской усадьбы в с. Ивановка Береговского района, с. Вышково Хустского и г. Тячево Тячевского района, т. е. в тех селах, где венгры имеют непосредственные контакты с местным украинским населением. Двухрядная застройка усадьбы характерна для украинцев, живущих в низменных районах Закарпатья и, видимо, венгры на этнических стыках позаимствовали ее от местного населения.

Этот тип застройки усадьбы использовали венгры в конце XVIII столетия.

4. Очень редко, но можно встретить венгерскую усадьбу в Закарпатье, которую отличает бессистемность в застройке жилых и хозяйственных объектов.

К примеру можно показать 200-летнюю усадьбу в селе Дришино Мукачевского района.

В 8 метрах от улицы стоит турлучный дом, без фундамента, трехкамерный с четырехскатной соломенной крышей. В конце

огорода метрах в 25—30 стоит старый сарай, а в противоположном углу усадьбы — навес и курятник. Двора как такового при усадьбе не существует. Все постройки разбросаны по огороду и фруктовому саду. Нужно отметить, что такие усадьбы сохранились в основном в горных районах Закарпатья, где планировка сельских поселений в прошлом отсутствовала. В низменных районах бессистемно застроенных усадеб венгерского, а также и украинского населения сохранилось очень мало.

Типы застройки усадьбы венгров в Закарпатье, как и везде, зависели нередко от географических и климатических условий отдельных районов. Приведенные материалы дают основание утверждать, что для венгров Закарпатья конца XIX и начала XX века преобладающей была усадьба однорядной и «Г»-образной застройки, которые распространены и в настоящее время.

ЖИЛИЩА ЭСТОНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА КАВКАЗСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ЧЕРНОГО МОРЯ

Л. Выйме

1. 80-е годы XIX столетия — годы развития капитализма в Эстонии — сопровождались обострением классовой борьбы. Восстания крестьян, массовое антирелигиозное движение, переселение — вот формы этого протеста. Поморяне и крестьяне прихода Куусалу северной Эстонии старались улучшить свою жизнь переселением уже в 1860-е годы, переселялись они и в 1880-е годы. Одна часть куусалусцев направилась в губернии, граничащие с Эстонией, другая ушла дальше. Ряд поселений основали у Черного моря, где и по сей день живут эстонцы.

2. Настоящий доклад — это первая попытка дать обзор жилищ эстонцев, живущих за пределами Эстонской ССР. Это интересно для выявления причин, обусловивших местное своеобразие народной культуры. В докладе описаны два эстонских селения — Сальме и Сулеви и создание жилых домов до коллективизации. Собранный автором материал является вступлением к обширному обзору народной культуры эстонцев всего побережья Черного моря.

3. Доклад опирается в основном на материалы, собранные в период полевых работ в 1966 и 1968 годах. Довольно скудные данные имеются и в ЦГИА Эстонской ССР (фонд С. Соммера) и в материалах отдела народной поэзии Литературного музея им. Фр. Р. Крейцвальда АН Эстонской ССР. Бегло ознакомились также с фондами, находящимися в ЦГА Абхазской АССР (особенно с фондами с/с Сальме).

4. Население северной части Харьюмаа занималось как рыболовством, так и сельским хозяйством. В последней четверти XIX и начале нынешнего столетия в северной части Харьюмаа были в основном распространены жилища двух типов: жилия рига и рыбацкие дома. Временным жильем, имеющим очаг отопления, была т. н. рыбацья избушка (*каламая*) или же просто хижина для привала. Характерной чертой рыбацких деревень был малый размер построек. В обстановке жилищ бросались в глаза безупречная чистота и порядок.

5. В новом поселении основным занятием всех поселенцев было земледелие, к которому в начале данного столетия добавилось садоводство. В связи с климатическими условиями отпала необходимость в жилой риге, так как хлеб обмолачивался уже на поле, на утрамбованной площадке.

6. Жилище на месте претерпело изменения в своем основном плане от одно- и двухкомнатных до четырехкомнатных (а иногда и более) строений. Простейшим жилищем была постройка с одним помещением из тесаных бревен и рубкой «в угол», у

которой расположение отопительного очага напоминает очаг бани в северной Эстонии; печка бани находилась также в заднем углу при входе по правую руку. Наряду с таким простым жилищем встречались постройки с одним помещением, но с навесом, которые по своему плану и месту расположения отопительного очага напоминали распространенные на береговых частях Эстонии рыбацкие хижины (временное жилище рыбаков).

7. К началу нынешнего столетия широко распространилось жилище с тремя помещениями: основную площадь постройки прямоугольной формы делят пополам и одну из половин в свою очередь на два помещения (кухня и спальня).

Влияние прибрежных частей северной Эстонии сказалось на жилище, которое появилось в начале нынешнего столетия, и у которого одно из помещений строили вне крыла дома, в наугольник (ерунок), особенно характерен этот тип строений для рыбацких поселков, расположенных на мысах северного побережья Эстонии.

8. Связь с родными местами сказалась также в строительной технике и в конструкции. Так, стены были выложены с двух сторон из тесаных бревен рубкой «в угол», как и на родине, но в конце данного периода под влиянием среды начали использовать конструкцию фахверк.

Основными типами крыш были двускатная и полувальмовые. Последнюю строили реже, но двускатная крыша в ходу до сих пор, она оказала влияние и на другие народы.

Кровельным материалом до I мировой войны, как и на северном побережье Эстонии служила щепка, пока ее не заменила цинковая жесь.

Система отопления претерпела в данный период значительные изменения: если у жилищ с одним помещением были вначале распространены печи с очагом или плиты с трубой, то уже в 90-е годы прошлого столетия их сменили плиты с согревательным щитом.

9. Внутреннее убранство жилищ изменилось вместе с ростом числа помещений. Если в жилище с одним помещением обстановка состояла только из одной деревянной кровати, стола с двумя парами накрест скрепленных ножек, 1—2 скамьями и сундука, то к началу XX века у каждого помещения сложилось свое характерное внутреннее убранство. Убранство комнат эстонцев отличалось простотой и целесообразностью. В интерьере использовали текстильные предметы, изготовленные вручную: одеяла, половики, подушечные и скатертные кружева. Мебель была изготовлена деревенскими мастерами из эстонцев и бросалась в глаза строгими линиями и практичностью.

РОДИЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ УДМУРТОВ

Л. Христолюбова (Москва)

1. Рождение ребенка — важное и радостное событие в жизни семьи. Это событие у удмуртов, как и у других народов, издавна обставлялось определенными обрядами, основной смысл которых состоял в стремлении обеспечить безопасность новорожденного и роженицы, подвергнуть их магическому «очищению», повлиять благоприятным образом на будущую судьбу новорожденного и, наконец, совершить акт приобщения его к семейному или более широкому коллективу.

2. За годы советской власти в жизни удмуртского народа произошли крупные социально-экономические изменения. Наряду с ними проходили процессы развития и в области семейных обрядов. Понятно, что и обряды, связанные с рождением ребенка, не остались без изменения. Эти изменения шли по линии угасания, исчезновения старых форм, традиционных элементов и проникновения в быт новых форм обрядности.

3. В 1968 г. Институтом этнографии АН СССР проведено обследование удмуртского населения в городах и селах УАССР. В 40 сельских и 5 городских поселениях опрошено всего 2240 лиц в возрасте 16 лет и старше. Исследование велось с помощью этнографического вопросника, содержащего 60 вопросов-признаков, охватывающих как социально-демографическую характеристику обследуемых, так и их отношения к проблемам удмуртского языка, национальной материальной и духовной культуры, обрядовой жизни и этнического самосознания. Вопросник содержал 6 вопросов, относящихся к обрядовой жизни. Здесь мы сосредоточим внимание на двух из них, которые были направлены на сбор информации о родильных обрядах.

4. Один из этих вопросов — признаков рассчитан на выяснение знания удмуртами указанных обрядов и сформулирован так: расскажите, пожалуйста, какие Вам известны удмуртские национальные обряды, связанные с рождением ребенка. Ответы записывались протокольно, а затем по степени знания ранжировались по 4-бальной шкале, начиная от полного незнания: 1 — не знает; 2 — слабо знает; 3 — ясно представляет; 4 — очень хорошо знает.

Второй вопрос: каково Ваше мнение о том, как лучше всего следует отмечать рождение ребенка? Ниже перечислялись предполагаемые варианты ответов, которые, как и в предыдущем вопросе, ранжированы по 4-бальной шкале: 1 — старые обычаи совсем не нужны, следует соблюсти только требования гражданского обряда; 2 — по современному гражданскому обряду, но с соблюдением отдельных требований старинного национального обычая; 3 — желательно по старинному национальному обычаю,

но сокращенному и с соблюдением современного гражданского обряда; 4 — полностью по старинному национальному обычаю. Этот вопрос, таким образом, рассчитан на выяснение отношения обследуемых лиц к традиционным родильным обрядам.

5. Анализируя полученные данные (условные и безусловные распределения вероятностей подразделений признаков), устанавливаем: 1) меру выраженности каждого из указанных признаков; 2) степень влияния различных факторов на каждый из этих признаков; 3) общую тенденцию развития рассматриваемых нами обрядов.

Лучшее знание родильных обрядов вовсе не предполагает обязательного положительного к ним отношения. Если, например, среди удмуртов-горожан 58,8% лиц из числа ответивших на данный вопрос знают в какой-то мере родильные обряды, то положительное отношение к ним выразили лишь 28,5%.

Ощущаемая интуитивно тенденция к ослаблению как знаний, так и одобрения традиционных родильных обрядов здесь обнаруживается весьма четко. Можно указать на факторы, наиболее сильно влияющие, факторы, слабо воздействующие или же совсем не оказывающие влияния на сохранение или исчезновение традиционных родильных обрядов.

6. В различных социально-экологических группах удмуртского народа выраженность обоих рассматриваемых признаков различна, что можно увидеть из нижеследующих таблиц, в которых приведены суммарные (безусловные) распределения вероятностей в процентном выражении, относящиеся к городским и сельским удмуртам.

Таблица 1

Знание родильных обрядов (в % к числу ответивших)

социально-экологическая группа	выраженность признака	не знает	слабо знает	ясно представляет	очень хорошо знает
город		41,2	38,2	17,8	2,5
село		17,7	48,4	30,6	3,1

Таблица 2

Отношение к родильным обрядам (в % к числу ответивших)

социально-экологическая группа	выраженность признака	старые обряды не нужны	по современному обряду с элементами традиционного	по традиционному обряду, но сокращенному	полностью по старинному обряду
город		71,5	20,5	4,6	3,4
село		51,3	29,8	10,6	8,1

Нетрудно заметить, что как знание, так и положительное отношение к традиционным родильным обрядам, у сельских удмуртов значительно выше, чем у горожан, объяснением чему могут, вероятно, послужить различия в установках по поводу обрядов, как этнических ценностей. С другой стороны, таблицы показывают, что степень положительного отношения к обрядам как у горожан, так и у селян ниже уровня их знаний этих обрядов.

7. Можно также указать, что выраженность признаков у различных социально-профессиональных и социально-демографических групп населения тоже варьируется весьма значительно, обнаруживая наивысшие показатели, с одной стороны, у людей неквалифицированного физического труда, с другой, у людей старших возрастных групп (66 лет и старше).

8. Из сказанного видно, что в изучении и такой области жизни, как обряды, возможно в определенных пределах применение количественных методов, проникающих в последнее время в исторические науки.

СОВРЕМЕННЫЙ СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД ВЕНГЕРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАКАРПАТЬЯ

Л. Филип (Ужгород)

1. Закарпатье — одна из многонациональных областей УССР. В настоящее время на территории области проживает до тридцати национальных меньшинств. После коренного украинского населения наиболее значительную группу составляют венгры (15,6%). Венгерское население сосредоточено преимущественно в южной, низменной, части области, примыкая к основной этнической территории венгров. Венгерское население проживает смежно с украинцами и занимает большую часть Береговского, приблизительно половину Виноградовского, меньшую часть Мукачевского и Ужгородского районов. Кроме того, незначительная часть венгерского населения проживает в южной части Тячевского и Хустского районов (с/с. Солотвино и Вышково). Большинство венгерского населения области проживает в селах, занимаясь сельским хозяйством.

2. Исследование и описание свадебных обрядов венгерского населения области представляет большой интерес. Однако при исследовании данной проблемы, возникают трудности, ибо венгерские и чехословацкие буржуазные историки мало обращали внимания на изучение и описание материальной и духовной культуры национальных меньшинств Закарпатья. В конце XIX и в начале XX века исследованием материальной и духовной культуры занимался этнограф-любитель Легоцки Тивадар. Ему принадлежит трехтомный труд под названием «Монография Бережской жупы» (Beregvágymegye monográphia), где автор дает описание свадебных обрядов венгерского населения Береговского района Закарпатья в прошлом. Более полное исследование и изучение духовной культуры венгерского населения области началось только после установления советской власти в Закарпатье. За эти годы было проведено несколько этнографических экспедиций по изучению жизни, быта, материальной и духовной культуры населения области. Исследование и изучение этой проблемы продолжается и в настоящее время.

3. Свадебный обряд венгерского населения области как в прошлом, так и в настоящее время представляет собой сложный и торжественный церемониал.

Наиболее характерной для венгерского населения является свадьба, где сохраняются традиционно народные элементы. Современный свадебный обряд с сохранением традиционных народных элементов можно разделить на три этапа:

- а) подготовительный,
- б) основной или сама свадьба,
- в) заключительный.

В свою очередь, каждый из этих этапов состоит из целого ряда определенных актов-обрядов, которые в целом и составляют весь свадебный церемониал, отображая в своей основе семейные и общественные отношения, сложившиеся за долгие годы.

Изменения за годы советской власти привели к новым мотивам и стимулам построения семьи, к вытеснению социальной стороны из содержания свадебного обряда, освобождению его от религиозного ритуала и т. д.

4. Для современного свадебного обряда венгров Закарпатья характерно сокращение его этапов и, особенно, подготовительного и заключительного. Из всех актов-обрядов подготовительного этапа свадьбы в настоящее время остались только сватанье и обручение.

Для основного этапа свадебного обряда характерно соблюдение традиционно-народных элементов, обретающих в настоящее время новую форму и содержание. Большинство актов-обрядов этого этапа свадьбы полностью сохранились, например, акт-обряд «выпрашивание» невесты, «прощание» ее с родителями, «танец невесты» и т. д.

Наиболее кратким этапом свадебного обряда является заключительный, в котором осталось только «сопровождение невесты к колодцу» и «переход невесты в дом жениха». Этим обрядом кончается свадьба, как церемониальное оформление брака, и начинается совместная жизнь молодой супружеской пары.

Таким образом, свадебный обряд венгерского населения Закарпатья с сохранением народно-традиционных элементов в настоящее время приобретает новую форму, новое содержание, хотя в основе его остаются старые народные традиции, передающиеся из поколения в поколение.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Петерсон</i>	О работе государственного этнографического музея Эстонской ССР в 1969 г.	3
<i>И. Ягосильд</i>	Пополнение фондов финно-угорских народов этнографического музея в 1962—1969 гг.	5
<i>К. Консин</i>	Характерные черты народного искусства коми	7
<i>А. Петерсон</i>	Первичная сушка хлебов у южных вепсов	9
<i>Х. Пусь</i>	Старое и новое в быту южных вепсов	11
<i>Ю. Линнус</i>	Источники изучения ливской народной культуры	12
<i>И. Тынурист</i>	Некоторые вопросы истории кантеле	14
<i>Н. Мокшин</i>	История этнографического изучения мордвы	16
<i>Г. Сепеев</i>	Этнографическое изучение марийского народа	17
<i>В. Драгун</i>	Усадьба и хозяйственные постройки венгров Закарпатья	19
<i>Л. Выйме</i>	Жилища эстонских переселенцев на кавказском побережье Черного моря	22
<i>Л. Христоробова</i>	Родильные обряды удмуртов	24
<i>Л. Филип</i>	Современный свадебный обряд венгерского населения Закарпатья	27

Издательство Академии Наук Эстонской ССР. Государственный этнографический музей Эстонской ССР. На русском языке. Издательство «Ланге» Таллин, Эстония. Выпуск 1970 г. Тираж 1000 экз. Цена 1 руб. 50 коп.

XII НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
ЭСТОНСКОЙ ССР. На русском языке. Издательство «Валгус». Таллин, Пярнуское шоссе, 10.
Редактор А. Юрна. Художественный редактор А. Сяде. Технический редактор С. Коху.
Корректоры А. Калберг и Х. Куль. Сдано в набор 27 II 1970. Подписано к печати
31 III 1970. Формат 60×90/16. Печатных листов 2. Условно-издательских листов 1,51. Тираж
500 экз. МВ-02192. № заказа 1264. Типография имени Ханса Хейдеманны, Тарту, Юликооли
17/19. III. Цена 11 коп.

11 коп.

XIII

1A-10673

500 830